

«КИТАЙСКИЕ» РЫНКИ РОССИИ: РОЛЬ В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ (СЛУЧАЙ ИРКУТСКА)

Исследование выполнено в рамках базовой части государственного задания Минобрнауки России (проект «Дискурсивные механизмы конструирования границ в гетерогенном обществе востока России», задание № 28.9753.2017/БЧ) и гранта РФФИ (проект № 16-03-00100 «“Этнические рынки” в пространстве постсоветского сибирского города»)

Статья посвящена исследованию роли феномена «этнических» рынков в постсоветской трансформации сибирского города. Анализ строится на широком спектре разнородных источников, включающих медийные тексты, официальные документы, а также материалы полевых социально-антропологических исследований в Иркутске. Авторы показывают динамику развития рынков под открытым небом, маркируемых как «этнические» («китайские»), в качестве механизма институализации нового для позднесоветского города комплекса практик. Показывается, что «китайские» рынки Иркутска, возникнув как механизм выживания и ответ на экстремальную ситуацию, превратились в устойчивый институт жизни постсоветского города. Авторы приходят к выводу о том, что «этнические», в том числе и «китайские» рынки стали важным элементом и маркером постсоветского транзита. Их динамичность и гибкость внесли в пространство советского города текучесть современности, в которой постоянными являются лишь изменения пространства, визуальности, практик.

Ключевые слова: «этнические» рынки; постсоветский транзит; городское пространство.

В 1990-х гг. во многих российских городах (а на востоке страны – почти во всех) появились «китайские» рынки. «Китайскими» их делал соответствующий взгляд принимающего общества. Часто это и маркировалось названиями («Шанхай» или «шанхайка», «Маньчжурия», «китайский» рынок в Иркутске). Иногда названия были вполне нейтральны («Таганский ряд» в Екатеринбурге), но в глазах горожан это были именно «китайские» рынки, где китайские торговцы торгуют китайскими товарами по «китайским ценам» и в китайском стиле.

Их массовое и почти одновременное возникновение, весьма заметное место в экономической жизни и общественных отношениях, стало результатом совокупного воздействия ряда факторов, порожденных процессом постсоциалистических трансформаций. Рыночные механизмы не могли мгновенно заменить рухнувшую систему государственного снабжения населения. Сотни тысяч людей лишились привычной работы и социального статуса. Перспективу выживания для многих из них открыла либерализация предпринимательской деятельности, возможность заняться мелкой торговлей. Как это не раз бывало в истории России, ответом на острый кризис стали гипертрофированное развитие рынков под открытым небом и «челночный бизнес». С другой стороны, открылись границы, были созданы чрезвычайно либеральные миграционный и внешнеторговый режимы. Вакуум на потребительском рынке во многом заполнялся за счет ресурсов стремительно развивающейся рыночной экономики Китая, способной и стремящейся удовлетворить гигантский спрос на дешевые, хотя и низкокачественные товары массового потребления. На первых порах огромную роль в их продвижении на российский рынок сыграли «челноки» – сначала российские, а затем и китайские. Сформировался мощный поток китайской трудовой миграции, в значительной степени ориентированный на мелкую розничную торговлю.

Все это создало спрос на стационарные терминалы для продвижения привезенных товаров потребителям и инфраструктуры мелкого и среднего опта. Ими стали

рознично-мелкооптовые рынки под открытым небом. Нет ничего удивительного в том, что вместе с китайскими товарами на них пришли и китайские торговцы, китайские капиталы и китайский менеджмент.

Несмотря на огромную роль «китайских рынков» в процессе постсоциалистических трансформаций на пространстве бывшего СССР, изучены они слабо и очень отрывочно [1. С. 41]. Важно, что и в других постсоциалистических странах, где возникал подобный феномен, он почти не попал в поле зрения исследователей. Так, например, мелкооптовые и розничные товарные рынки Польши, являвшейся одним из пионеров свободной частной торговли, исследованы крайне слабо: кроме единственного монографического исследования рынков Варшавы [2], академических текстов по этой проблеме почти нет.

Для сравнительного анализа катастрофически не хватает нарративного материала, описания и изучения ситуации в различных городах и регионах, динамики становления и развития отдельных рынков. Только поставлен вопрос о месте «китайских» рынков в системе трансграничной торговли, об их теснейшей связи с «челночным» бизнесом, о сходстве и различиях с базарами социалистической эпохи. Нет количественных оценок, хотя бы самых приблизительных, динамики их роли в торговых оборотах. Похоже, что эти рынки почти не оставили за собой «статистического следа». Перечисление того, чего мы не знаем о китайских рынках в России, можно продолжать и дальше. Печально то, что многого мы уже не узнаем. Сами «китайские» рынки радикально трансформируются, динамично меняется их роль в экономике и жизни городских сообществ, меняется отношение к ним принимающего общества. Это очень закрытые образования, значительная часть деятельности на них можно смело отнести к «серой», а иногда и к «черной» экономике. Поэтому для работы историка осталось очень мало информации, она отрывочна и зачастую слабоверифицируема. Фактически основная часть имеющейся информации зафиксирована не в статистических наблюдениях, а языком репортажа и

медийного мифа, что, в свою очередь, несомненно, наложит отпечаток на будущие исследования.

Тем не менее отдельные исследования проводились, некоторые рынки изучались в течение длительного времени. И это дает материал для анализа и ряда осторожных обобщений. Наиболее изучен, причем со времени его основания, «китайский» рынок «Шанхай» или «шанхайка» в Иркутске, что позволяет подойти к анализу его роли в постсоветской трансформации сибирского города. Мы попытаемся взглянуть на историю развития «китайского» рынка с позиций его роли в появлении в городском пространстве этничности и мигрантскости, институализации принципиально нового набора практик горожан, в формировании новых городских локальностей. Иными словами, мы попытаемся поставить вопрос о «китайском» рынке как механизме превращения советского города в город постсоветский.

Иркутский кейс избран для исследования не только потому, что ситуация с «китайскими» рынками изучена здесь намного лучше, чем в других российских городах. С одной стороны, это типичный город: областной центр с населением 600 тыс. человек. Центр последнего на востоке России региона сплошного хозяйственного освоения с развитой промышленностью и сельским хозяйством. Крупный научно-образовательный центр, в вузах которого обучаются от 80 до 100 тыс. студентов. Иркутск является крупным транспортным узлом, логистическим центром снабжения не только собственного хинтерланда, но и окружающих регионов. Через его инфраструктуру идут потоки китайских товаров с востока (через границу в Забайкалье) и с запада (через Киргизию). Это сделало город крупнейшим центром притяжения китайских мигрантов на востоке России.

Источники для анализа довольно разнообразны, хотя и отрывочны. Это многолетние личные наблюдения авторов, серия неформальных и формализованных интервью с продавцами, покупателями, администраторами рынков, муниципальными чиновниками, интервью и заявления официальных лиц, пресс-релизы государственных и муниципальных органов, материалы общественных дискуссий, законы и подзаконные документы, касающиеся функционирования рынков под открытым небом и ограничений для иностранцев заниматься на них торговой деятельностью. Анализ масс-медиа (прежде всего иркутских и общероссийских газет, интернет-форумов) дает возможность проследить динамику общественного мнения относительно «китайских» рынков. Совершенно уникальным источником является газета «Восточно-Сибирский Шанхай», издававшаяся в течение полугода по инициативе и на средства группы торговцев рынка. Мозаичность и даже некоторая пестрота такого комплекса источников, безусловно, оставляет вопросы о его репрезентативности. Однако с другой стороны, использование социально-антропологического эмпирического материала позволяет, на наш взгляд, преодолеть ограничения, накладываемые характером немногочисленных имеющихся источников, и попытаться увидеть содержание явления за устоявшимися стереотипами и мифами.

«Китайские рынки» в Иркутске: динамика развития института постсоветского города. С начала 1990-х гг. «китайские» рынки становятся важнейшей частью повседневности Иркутска и его жителей. После появления первого и наиболее крупного оптово-розничного рынка «Шанхай» «китайские» рынки возникали и исчезали в самых разных районах города. Полевое исследование начала 2014 г. зафиксировало не менее десяти больших и малых «китайских» рынков, действовавших в различных частях города. Два крупнейших рынка («Шанхай» и «Китай-город») вместе с мелкими рынками второго порядка охватывают практически все районы города как неформализованная торговая сеть [3]. Анализ городской периодики за 2000–2015 гг. показывает, что еще несколько подобных локальностей существовали в городе ранее, однако исчезли по тем или иным причинам.

Размеры «китайских» рынков Иркутска существенно различаются как по числу торгующих, так и по территории. Крупнейший из них – «Шанхай» к моменту ликвидации летом 2014 г. вместе с прилегающей инфраструктурой занимал площадь около 278 тыс. квадратных метров. Фактически это был не один рынок, а сложная система рыночных площадей, инфраструктуры обслуживания, небольших магазинов, представляющих собой единый организм. Возникший в 2014 г. рынок «Китай-город» первоначально занимал площадь около 30 тыс. квадратных метров, а к лету 2016 г. его территория превысила 70 тыс. квадратных метров. Более мелкие рынки располагаются на участках от 260 квадратных метров до 25 тыс. квадратных метров.

Определить численность работников таких рынков достаточно сложно. По оценкам мэрии Иркутска, численность торгующих на рынке «Шанхай» колебалась от 500–600 человек в 1993 г., до 2 500 человек в 2000 г. Позднее число торговых мест под давлением городских властей снизилось до 1 000–1 300. Численность торгующих на более мелких рынках, по полевым наблюдениям, колеблется от нескольких десятков до 150–200 человек. Важно, однако, оговориться, что в эти оценки попадают далеко не все торговцы в силу неопределенности границ рынка и широкой распространенности неформальных практик.

Рынок «Шанхай» был не только крупнейшим по оборотам, численности занятых и посетителей, но и старейшим в городе. Его история показательна и довольно типична. В начале 90-х гг. могло показаться, что центр Иркутска заполнили (по выражению некоторых журналистов – оккупировали) китайские корейники – мелкие розничные торговцы вразнос. Они бросались в глаза внешним видом и манерой поведения, заслоняя собой многочисленных конкурентов из числа иркутян и мигрантов с Кавказа. Массовая торговля с рук на не предназначенных для этого улицах создавала там жуткую толчею и антисанитарию. О лицензировании и взимании налогов не могло быть и речи. Процветал рэкет, мошенничество, были нередки конфликты. Бурно протестовала общественность, влиятельная тогда пресса публиковала саркастические или гневные заметки.

После некоторой растерянности городские власти решили выдать уличную торговлю на территорию разорившейся фабрики в исторически сложившемся торговом центре города, рядом с Центральным рынком. Здесь сходятся большинство транспортных маршрутов. Сюда поколениями приезжают за покупателями. Здесь торговцы смогли расширить свою клиентуру. Этот выбор во многом предопределил успех проекта.

Возникнув как результат мер городских властей по упорядочению уличной торговли, рынок быстро стал многим больше, чем обычная торговая площадка. Он был создан в ноябре 1992 г., а уже к лету на нем постоянно работало 500–600 продавцов. Их среднемесячная выручка (по расчетам Облстатуправления) равнялась месячному товарообороту всех официально зарегистрированных торговых предприятий центрального, торгового района Иркутска [4. 1993. 7 июля]. Вначале рынок выглядел вполне первозданно – огороженная забором и засыпанная гравием площадка, прямо на которой и раскладывались нехитрые товары. Вскоре возникла некоторая инфраструктура: ряды прилавков, навесы над ними, примитивные туалеты, камера хранения. В 2000 г. на территории 0,92 га располагалось 2 500 торговых мест. В 2002 г. по требованию пожарных служб число мест сократилось до 1 300, а часть открытых прилавков была заменена на 982 «металлических павильона закрытого типа», в просторечии – контейнеры.

Рынок функционировал как розничный и мелкооптовый. По пятницам и субботам со всей области и даже из Улан-Удэ и Читы сюда съезжались предприниматели для оптовых закупок. Об их масштабах косвенно свидетельствуют данные криминальной статистики – описаны случаи, когда карманникам доставались суммы в десятки тысяч рублей и тысячи долларов [5. 2003. 18 апр.; 6. 2002. 27 сент.]. Одновременно здесь могли находиться 20 тыс. человек, а дневная посещаемость колебалась от 10 до 30 тыс. человек [7. 2002. 1 февр.; 2002. 24 мая].

«Шанхай» принадлежал городу и обладал статусом муниципального учреждения. Торговые места сдавались в аренду. С февраля 2002 г. дневная стоимость торгового места на открытом прилавке была повышена с 65 до 80 руб. (при оплате вперед и сроком на месяц). Однодневная оплата – 100 руб. Место в контейнере оценивалось в 240 руб. Поступления в городской бюджет от арендной платы достигли к 2004 г. 80 млн руб., еще 40 млн руб. приносил налог на вмененный доход [5. 2002. 22 февр.; 7. 2002. 24 мая; 8. 2003. 8 мая; 9. 2004. № 1; 10]

Сложилась развитая обслуживающая инфраструктура. Безопасность обеспечивали милицейский пункт и частное охранное агентство. За чистотой следили 22 дворника. Функционировали камера хранения, несколько платных общественных туалетов. В соседних домах и усадьбах открылась масса незарегистрированных частных столовых, кафе, общественных туалетов. Имелись парикмахерская, фотография, платный переговорный пункт, стоматологический кабинет, бильярдная, залы игровых автоматов, собачьи бои. Прекрасно оборудованное нелегальное казино,

чьи доходы доходили до сотен тысяч рублей в день. В марте 2004 г. было раскрыто подпольное предприятие по изготовлению поддельных документов. Тогда же была ликвидирована подпольная швейная мастерская. Но не было медпункта, системы канализации и водопровода [6. 2002. 27 сент.; 7. 2002. 11 окт.; 2004. 10 сент.; 11. 2003. 15 апр.; 12. 2001. № 36; 13. 2001. 22 июня; 2000. 18 авг.; 14. 2003. 26 февр.; 2003. 29 авг.; 15. 2002. 27 сент.].

На рынке было занято много иркутян. Помимо не очень значительного штата, это были нанятые местные продавцы, персонал столовых, кафе, хозяева помещений, сдаваемых под склады и жилье, хозяева и водители автотранспорта, грузчики, охранники и т.д. В основном «серая» занятость, не фиксируемая властями и не облагаемая налогами. Была и «черная» – многочисленные карманники, рэкетеры, коррумпированные чиновники и представители правоохранительных органов и т.д. О масштабах заработков и доходов в «сером» и «черном» секторах остается только строить предположения. Не стоит забывать о массе мелких розничных торговцев, регулярно делающих оптовые закупки.

В общем, «Шанхай» был крупным, прибыльным, процветающим хозяйствующим субъектом, одним из флагманов формирующейся рыночной экономики города; источником стабильных доходов для городской казны, создателем дополнительных рабочих мест, местом работы и получения доходов для многих иркутян. Но вряд ли верно определять его значение только этим. В конце концов, только рядом с ним находилось еще девять рынков, пусть и не таких масштабных. Всего же в Иркутске функционировало в начале нулевых годов около 40 рынков и более 2000 магазинов, киосков и павильонов [4. 2002. 18 сент.; 13. 2000. 12 окт.; 16. 2003. 7 марта].

К этому времени «Шанхай» стал ключевым центром всей системы снабжения региона, его жизнеобеспечения. Этим он обязан нескольким факторам: массовые дешевые китайские товары, дешевый и эффективный труд китайских торговцев, разветвленная и прочная «грибница» связей и деловых взаимоотношений, стратегически выгодное место, устойчивые привычки потребителей. Такое положение рынка фактически фиксировало его ведущую роль в формировании нового для постсоветского города института частной торговли и предпринимательства как основы жизнедеятельности городского организма. Сформированность и устойчивость нового института продемонстрировал дефолт 1998 г. После первой шоковой реакции, когда «Шанхай» заметно опустел, многие торговцы разорились, начались перебои с поставками товаров, сократился спрос, торговля вскоре начала оживать. И хотя она долго не могла достичь прежних масштабов по обороту, ассортименту товаров, численности торговцев и покупателей, рынок как важный элемент жизни города и горожан оказался весьма жизнеспособным.

Устойчивость сформировавшегося института городской жизни хорошо демонстрирует многолетние попытки его ликвидации. С первых же дней существования рынка было объявлено о его временности.

Несмотря на жесткую риторику представителей различных властных инстанций (от мэрии до правоохранительных служб), рынок эффективно функционировал 13 лет, пережив даже эпидемию атипичной пневмонии в 2003 г. В ответ на требования закрытия рынка со стороны областной власти и депутатов Городской думы заместитель мэра заявил, что несмотря на принципиальное согласие с ликвидацией рынка, дело это не простое и не быстрое. Рынок дает горожанам 1,5 тысяч рабочих мест и миллионы рублей в городской бюджет, а потому *популизм*, заявил он, *не метод решения проблем «Шанхая»* [4. 2003. 13 мая].

Однако в сентябре 2006 г. городская администрация все же ликвидировала рынок. Это встретило отчаянное сопротивление торговцев: подавались иски в Арбитражный суд, проводились публичные акции (пикеты, перекрытие улиц), подписывались коллективные обращения, распространялись листовки, был организован профсоюз работников рынка, его представители встречались с мэром. Однако на организованное сопротивление городские власти ответили конфронтационной риторикой, обычно им не свойственной. Единственной уступкой стала отсрочка закрытия рынка до начала 2007 г.

«Шанхай» был ликвидирован как хозяйствующий субъект, ушел в прошлое как торговая площадь. Однако это не означало исчезновения «китайского» рынка как феномена. С закрытием «Шанхая» китайский рынок переместился на другие площадки, где, по некоторым оценкам, работало до 3 тыс. мигрантов из Китая [10, 17]. Фактически сформировался «Большой Шанхай», включавший значительную часть городского центра. Бывший директор «шанхайки» в частном разговоре с одним из авторов отметил, что экономический смысл закрытия рынка остался ему непонятен. А что касается китайцев, то *«когда захожу на соседний, более современный рынок «Площадь Павла Чекотова», вижу знакомые лица с «шанхайки»*. Пространственная подвижность рынка не означала изменения его роли в социальном пространстве, а напротив, продемонстрировала его устойчивость как узла сети социальных взаимодействий [18].

В 2012 г. городские власти резко активизировали борьбу с комплексом из одиннадцати открытых рынков в районе Центрального рынка («Большим Шанхаем»). Они принадлежат частным владельцам, поэтому просто закрыть их (как собственно «шанхайку», которая была муниципальным предприятием) власти не могут. Аргументация властей та же – антисанитария, трупобность, помехи дорожному движению, массовые правонарушения, «китайскость». Кроме того, с 2014 г. вступают в силу новые нормы закона «О розничных рынках», по которым в городах, имеющих численность населения свыше 100 тыс. человек, торговля может осуществляться только в капитальных строениях. Мэр Иркутска потребовал от хозяев рынков возвести современные торговые центры с парковками или перебраться из центра города, угрожая в случае неповиновения «навести порядок» с помощью интенсивных рейдов и проверок санитарных, пожарных, миграционных служб, Роспотребнадзора

и т.д. [4. 2012. 6 нояб.; 2012. 11 дек.; 13. 2012. 18 окт.; 2012. 15 нояб.; 19. 2012. № 46].

Одновременно при участии городских властей на территории закрытой «шанхайки» был открыт новый торговый центр «Шанхай-сити молл». Хозяева рынка специально подчеркнули: «Прежнее название рынка “Шанхай” решили сохранить, потому что это популярное у горожан место, где можно недорого купить любые вещи» [20]. Стремление использовать популярный бренд отражено в заголовках комментариев иркутских СМИ: *«Новая “Шанхайка” открылась в Иркутске»*, *«На территории китайского рынка в центре Иркутска открылся современный торговый центр»*. Подчеркивание символической реинкарнации рынка говорит и о том, что само слово «Шанхай» обрело новые устойчивые коннотации, превратившись из имени собственного в имя нарицательное.

Новой фазой развития «Шанхая», его перевоплощением стал открытый в 2014 г. «Китай-город» на северо-западной окраине города. Всего за несколько месяцев сюда были переведены большая часть торговцев и связанной с рынком инфраструктуры. Расположившись на территории строительного рынка «Покровский», «Китай-город» быстро вытеснил строительные товары на периферию и занял часть инфраструктуры рынка (прежде всего, ангары-склады, переоборудованные в «торговые павильоны»).

В отличие от «шанхайки», формирование пространства которой шло стихийно и неконтролируемо, новый рынок изначально получил более регулярную планировку. Деревянные основания под установку контейнеров с «Шанхайки» распланировали «улицы» и «переулки», прямые линии которых представляют собой полярный контраст с прежними «кривоколенными переулками». Часть торговли была размещена в помещениях большого павильона и складских ангарах. Но и в рамках этой «регулярной» планировки довольно быстро складываются неформальные улицы, в той или иной степени воспроизводящие систему размещения торговли «Шанхая» с его «азербайджанскими», «киргизскими», «китайскими» рядами. Изменив «форму» организации рыночной торговли, «Китай-город» в значительной мере воспроизводит содержание «Шанхая».

«Шанхайка», «мигрировав» на окраины, не исчезла и как экономический субъект, и как городская локальность. Специфика рынка как сложной внутренне дифференцированной локальности обеспечила его выживание и после официального закрытия. Еще до закрытия в его состав входило множество объектов, среди которых к началу 2014 г. оформились как вполне современные торговые центры и благоустроенные торговые ряды, так и «архаичные» базарные площади. Вокруг рынка сложилась разветвленная инфраструктура, занявшая обширное пространство в «деревянном» центре Иркутска и придавшая ему специфический трупобный вид. Рынок стал сложным, территориально распределенным организмом, связанным воедино не столько юридически и экономически, сколько сложной системой социальных связей. Фактически «Шанхай» представлял собой масштабный фрейм отношений горожан друг с другом, внешним

миром (включая мигрантов), с городом. Фрейм, имевший несколько размытые физические границы, поскольку определить, где начиналась и где заканчивалась «шанхайка», можно было весьма приблизительно, но вполне очерченные границы символические.

При всей разности основ, на которых формировались «Шанхай» (стихийная, иррегулярная) и «Китай-город» (централизованная, регулярная планировка), их развитие происходит по сходной траектории. Как и «шанхайка» девяностых, «Китай-город» практически сразу вышел за первоначально очерченные границы, поглощая соседние территории. Сократив до минимума границы строительного рынка, новая «китайка» начала расширяться за счет включения прилегающих ремонтных и промышленных предприятий (частью действующих, частью обанкроченных), заболоченных пустырей. Непродолжительный интенсивный рост сменился экстенсивным. Вокруг торговых площадей начала стремительно формироваться обслуживающая инфраструктура: предприятия питания, парковки, неформальные службы доставки.

Новый рынок включает в повседневность города ранее исключенное из него пространство. Заболоченные овраги, пустующие площади разорившихся промышленных объектов вплоть до открытия «Китай-города» лишь территориально входили в черту Иркутска, но крайне слабо были включены в его экономическую и социальную жизнь. До 2014 г. здесь была остановка лишь одного маршрута общественного транспорта (муниципального автобуса), ходившего с периодичностью один раз в час и реже. С другой стороны, территория «Китай-города» начинает явно исключаться из городского пространства: огороженная высоким решетчатым забором, территория рынка контролируется собственной службой охраны, ограничивающей въезд транспорта. Вблизи рынка практически не осталось свободных территорий, которые могли бы быть использованы для стоянки и парковки: приехать в этот кусочек города оказывается возможным только с одной целью – посетить рынок.

Ликвидация первоначальной основы «шанхайки» не привела к ликвидации ее как части городской жизни. Торговые центры («Шанхай-молл», «Бишкекские ряды», «Торговая площадь имени Чекотова»), составлявшие неотъемлемую часть «большой «Шанхайки», связанная с ними инфраструктура питания и обслуживания продолжают функционировать и после переноса рынка. Однако едва ли не большее значение имеет сохранившееся представление о «Шанхае» как о городской локальности. Образ «китайского» рынка в центре города, оккупированном, вырванном из символической собственности горожан, превратившей исторический район в «клоаку», продолжает преобладать в описаниях этого района горожанами. Они далеко не всегда негативные, часто ностальгические, связанные с утратой прививочных практик. «Шанхайка» становится не только локальностью, но и городским мифом, который превращается в бренд, определяющий не только современное представление о центре города, но и варианты его будущего развития. Не случайно в проекте джентрификации городского центра как целостной торговой-рекреационной локально-

сти [21] «китайские» мотивы присутствуют явно и абсолютно осознанно.

Иными словами, «китайские рынки» Иркутска, возникнув как механизм выживания и ответ на экстремальную ситуацию, превратились в устойчивый институт жизни постсоветского города. Непримиримая властная риторика, ликвидация торговых локальностей приводили лишь к пространственной мобильности «китайки». Ликвидация конкретного рынка не уничтожила самого феномена, предлагавшего новые доминанты организации городских локальностей и практик взаимодействия горожан с городом. Практик разнообразных и динамичных, чаще нерелексируемых, составлявших одну из основ трансформации советского города в город несветский.

Китайский рынок в городской повседневности. Важнейшим качеством китайских рынков как элемента постсоветского города стало возвращение этнического в городскую повседневность. Пространство Иркутска, как и любого советского города, за исключением центров национальных автономий, было в значительной степени деэтнизировано. Многочисленные этнически окрашенные названия улиц, площадей, иных локальностей и объектов погружали не в этнический, а в советский дискурс. Едва ли не единственным исключением оставались памятники конфессиональной архитектуры («татарская мечеть», «польский костел») и старые кладбища (еврейское, мусульманское, немецкое). Этническое в городском пространстве фиксировалось как прошлое, ушедшее вместе с теми социальными отношениями, которые формировали городскую среду прежде.

Возвращение этнического в жизнь общества и пространства города оказалось тесно связано со стремительной интенсификацией миграций на рубеже 1980–1990-х гг. Появление больших групп, не вписанных в устоявшуюся систему отношений, потребовало выработки языка описания «другого» и складывающихся вокруг него новых институтов, поиска необходимых слов и категорий, отсутствовавших в лексике повседневности. Таким языком оказался язык этничности, актуализированной политическими процессами поисков новых идентичностей и конструирования границ. Вполне логичным образом миграции и мигранты стали рассматриваться и обществом, и властью преимущественно в этнических категориях.

В этом смысле глубоко символично, что возникший в начале 1990-х гг. в Иркутске «китайский» рынок сразу вошел в сознание горожан и их лексикон как «Шанхай» или «шанхайка». Возможно, в этом теперь уже ставшем русским слове слились все накопленные в предыдущую эпоху значения – «китайскость», трущобность, скученность и многолюдство [22]. В 2007 г. на форуме «Городские диалекты» сайта АВВУ Lingvo обсуждается вопрос о том, что слово «шанхайка» стало (или становится) нарицательным, со значением «китайский рынок трущобного типа; стихийный рынок вообще» [23].

Самим названием «Шанхай» или «шанхайка» (фамильярно сниженное прозвище) рынок четко маркирован как китайский и безоговорочно являлся таковым в общественном мнении. Характерно, что это

официальное в дальнейшем названии первоначально было вполне неофициальным прозвищем. Важно понять механизм формирования подобного взгляда, причины того, почему одни рынки становились «китайскими», а другие оставались этнически не маркированными. Один из авторов зафиксировал ситуацию в современном Омске, когда один из двух соседних рынков считается «китайским», а другой – нет. При этом этнический состав торговцев, ассортимент и происхождение продаваемых товаров там принципиально не различаются.

Концентрации мигрантов и их деловой активности на рынках сделала их в глазах окружающих «этническими» – «китайскими», «азербайджанскими», «кавказскими» или «среднеазиатскими». Однако почему иркутские рынки становятся именно «китайскими»? Внимательный посетитель «Шанхая» быстро замечал, что в этом огромном скопище народа есть система. По словам его директора, *«на нашем рынке существует строгое распределение по видам товара... И мы, администрация рынка, не имеем к этому никакого отношения. Это уже неведомые нам силы распределяют торговцев на рынке. Есть разделение по национальному признаку в специализации на определенном виде товара»* [24. 1999. 16 дек.].

Видимое структурирование рынка – ряды по группам товаров и национальные блоки – сложилось не по инициативе администрации. По крайней мере, по ее утверждениям. Не обладала она и монополией на распределение мест. Следовательно, были и другие силы, обладающие властью и влиянием. Видимо, такой властью были неформальные лидеры, «капитаны», по распространенному определению иркутской прессы. Как правило, они хорошо владели русским языком и имели опыт общения с властями. В их обязанности входил сбор денег с рядовых торговцев для уплаты налогов и отчета в государственных налоговых органах. Таким образом, «капитаны» аккумулировали в своих руках средства с оборота китайских торговцев, представляли интересы коммерсантов-соотечественников и брали на себя функцию защиты этих интересов. Они оказывали разнообразные услуги новичкам, помогая им освоиться в чужом и незнакомом обществе.

Характерно, что представители официальной администрации рынка, комментируя конфликтные ситуации, связанные с распределением и перераспределением мест, часто подчеркивали, что принимают решения совместно с представителями китайских ассоциаций, обществ, которые они тут же называют иногда мафиями. Из их интервью видно, что это реальные игроки, с которыми необходимо считаться [Там же].

Круг этих «капитанов» и их типы достоверно описать трудно. На поверхности – активность зарегистрированных в Иркутске китайских национально-культурных обществ. История их возникновения, деятельность, роль в городе – предмет особого анализа. Здесь же необходимо отметить, что все они активно работали на рынке, отстаивая интересы своих кланов, вступая при этом в жесткие конфликты друг с другом.

По словам лидера «Китайского общества», *«мы хотим привить китайцам-предпринимателям навыки цивилизованной торговли, познакомить их с россий-*

ским законодательством. Наша главная задача – научить наших соотечественников жить и торговать по российским законам» [13. 1999. 22 окт.]. На практике – это оказание консультационно-посреднических услуг, урегулирование постоянно возникающих проблем с властями, особенно с налоговыми органами, неофициальное представительство консульства КНР.

Аналогичный набор задач зафиксирован в записи на членском билете «Ассоциации – Азия» (2006 г.): *«Все вопросы, касающиеся: истребования документов (ст. 93 НК РФ), выемки документов и предметов (ст. 92 НК РФ), а также недопустимости причинения неправомерного вреда при проведении налогового контроля (ст. 103 НК РФ), рассматриваются в соответствующей организации, членом которой является данный гражданин КНР»*¹.

При необходимости эти общества используют такой ресурс, как официальный статус и возможность прямого обращения к властям. Характерна стилистика «Коллективной жалобы» на имя мэра Иркутска: *«Мы, члены Иркутской общественной некоммерческой организации “Китайское общество” от имени китайских торговцев с “Шанхайского рынка” и от имени всей многочисленной китайской диаспоры в России, просим навести законный порядок на “Шанхайском рынке”, официально именуемом “Торговая площадь”»*. Суть жалобы – незаконные поборы администрации рынка при регулярном перераспределении торговых мест. Общество требует согласовывать с ним все реорганизации, прекратить практику незаконных поборов, выделить китайским торговцам места, которые они сами бы делили между собой.

Общества – это реальная сила, но вряд ли единственная и, возможно, не преобладающая. Куда большим влиянием могут обладать крупные дельцы, настоящие хозяева рабочих мест, товаров, финансовых ресурсов. На них работают или от них зависят мелкие торговцы. Они обеспечивают реальное покровительство, формируя сети патрон – клиент. Их экономическая мощь может дополняться криминальным влиянием.

Пример того, как функционирует система отношений патрон – клиент, был продемонстрирован во время суда над налоговым полицейским, обвиненным в грабеже, взяточничестве, вымогательстве и избиении китайских торговцев «шанхайки» [25, 26]. Прозванный торговцами за свой нрав «Эдиком-собакой», он был осужден на восемь лет с конфискацией имущества. Когда «Эдик-собака» отобрал у торговца выручку, тот обратился к старшему своей группы. Затем еще десять торговцев пожаловались ему, что полицейский отобрал у них документы и вещи. При попытке договориться старший группы был избит. После этого, как пишется в судебной хронике, он *«передал свои полномочия более опытному товарищу»*. Видимо, этот уровень оказался достаточным для решения проблемы – документы и вещи были возвращены владельцам в обмен на 5 тыс. рублей и меховую куртку. В суде *«более опытный товарищ»* дал показания, что регулярно посредничал при оплате налогов торговцами. Во всем этом видна отлаженная система отношений, строгая иерархия.

Быстро оформляющаяся система отношений внутри мигрантских сообществ рынка, ее очевидная эффективность в отношениях с обладателями высоких статусов, значимых даже для местных сообществ, порождали представление о сложном закрытом мире «китайского» рынка. Стереотип исключенного, закрытого пространства, отграниченного от остального города символическими границами и специфическим набором коммуникационных стратегий и практик (gated living [27]), формировал образ отторгнутой, даже «оккупированной» городской локальности, право на которую необходимо вернуть горожанам. Конфликт, активно воспроизводимый СМИ и социальными интернет-медиа, вплоть до начала 2010-х гг. оставался одним из центральных сюжетов городской жизни.

Однако сложившаяся ситуация оспаривания пространства [28] создала новую городскую локальность, наполняя ее новым содержанием, смыслами, практиками, и новую сферу деловой активности. Пространство рынка, а затем и «Большого Шанхая» интенсивно преобразовывалось из «исторического центра с сохранившей средовой деревянной застройкой» и умирающими советскими предприятиями в среду торгового предпринимательства [29]. Фиксируя в пространстве трансформацию социальных отношений [30], они одновременно сами становились механизмом и катализатором изменения системы взаимоотношений в постсоветском городе. Динамика изменений социального и физического пространства здесь порождала комплекс последствий, превращавшихся и в новые возможности, и в новые риски для городского развития.

«Китайский» рынок формировал условия для включения горожан во взаимодействие с торговцами не только в качестве потребителей. Дешевизна товаров и эффективность торговцев рынка создавали сложные отношения с местным деловым сообществом. Многие получали несомненные выгоды и осознавали это: мелкооптовые партии товаров с «китайки» стали основой деятельности многих предпринимателей Иркутска и области. Но «шанхайка» и его обитатели – это конкурент, причем конкурент сильный и опасный. Вряд ли случайны соответствующие регулярные кампании в прессе, не менее регулярные попытки закрыть рынок. С другой стороны, появление большого торгового пространства, предоставляющего огромный ассортимент товаров, изменило модели взаимодействия с городом, позволило уйти от советских практик поисков «выброшенных» в том или ином районе города товаров.

Рынки стали средой для роста сферы обслуживания прежде всего работников рынка, но вслед за ними – и для горожан. Прямо на территории, в вагончиках, в прилегающих домах, действовало много столовых, кухня, кафе, закусок. Они не испытывали недостатка в клиентах – их продукция дешева, ориентирована на разные вкусы (есть китайская, узбекская, корейская, вьетнамская и т.д.) и дает возможность не только экономии, но и приобщения к восточной экзотике. Один из авторов красочно описывает визит в полуполегалное кафе мигрантов из КНДР, действующее в районе «Большого Шанхая». Большинство та-

ких заведений действует подпольно и потому налогов не платит. Врачи с ужасом отмечают, в каких антисанитарных условиях, с нарушением всех норм готовится пища. Все попытки пресечь эту деятельность, а тем более ввести ее в легальное русло, заканчивались неудачей [7. 2003. 13 марта; 13. 200, 7 сент.; 31. 2003. 26 сент.; 32. 2003. 24 апр.; 2003. 14 мая; 33. 2004. 19 янв.; 34].

Рынок интенсивно втягивал в свою орбиту прилегающие дома, превращая их в склады товаров, ночлежки, подпольные забегаловки и притоны, а их приусадебные участки – в свалки мусора. Некоторые предприимчивые жильцы построили здесь примитивные платные туалеты. Этот район и раньше был трущобным, теперь же жизнь их обитателей стала невыносимой. В близлежащих домах регулярно вспыхивали пожары. И жители домов, и иркутские СМИ единодушны в том, что это форма захвата (возможно, уже передел) городской земли, которая при небольших вложениях обещает стать настоящей «золотой жилой».

Рынок стал источником повышенной криминальной опасности. Это, в общем, естественно и неизбежно для места, где концентрировались огромные финансовые и товарные потоки и где на небольшом пятнышке ежедневно встречались тысячи людей. Карманники, мошенничество наблюдались в самых разных формах. Отдельная тема – рэкет. Вот оценка заместителя президента Иркутской ассоциации по защите китайских граждан Михаила Ли: «Раньше моих земляков крышевали. Хотя это выглядело как обычное вымогательство. Когда предприниматель приезжал из Китая со своим товаром, с него брали мзду – за каждый баул по 50 долларов. Сейчас такое тоже есть, но проявляется уже не так активно, как раньше» [11. 2003. 27 мая].

По оценкам наиболее заинтересованных ведомств, вслед за «челноками» в Иркутск потянулись и криминальные элементы. Со временем их деятельность приобретает организованный характер – от простого грабежа соотечественников к контролю и регулированию.

Фискальные службы постоянно жаловались на огромные потери от массовой неуплаты налогов торговцами. По данным налоговой полиции, более 70% из них недоплачивали налоги или не платили вовсе. Результаты очевидны – большие финансовые потери государства, получение китайским бизнесом нечестных конкурентных преимуществ, дискредитация налоговых и правоохранительных органов.

Это провоцировало формирование системы теневых поборов. Тема это деликатная, сложная для обсуждения и анализа. Очень мало информации. И только в ситуациях острых и открытых конфликтов проблема становилась предметом общественного рассмотрения. В 1999 г., когда было сокращено количество торговых мест, это вызвало массовый митинг и пикетирование здания администрации рынка. Протестующие торговцы заявляли, что их лишили мест, за которые они заплатили по 1,5–5 тыс. долларов. Теперь за возобновление права на аренду места с них требовали по 5–15 тыс. рублей. Представители администрации рынка категорически опровергли саму возможность поборов.

Они предположили, что китайские торговцы перепродают друг другу право на аренду торговых мест, причем контролирует этот процесс «китайская мафия» [24. 1999. 16 дек.; 39. 1999. 9 дек.].

В ноябре 2001 г. произошла недельная забастовка торговцев, вылившаяся в несанкционированный митинг у здания областной администрации. По словам чиновника мэрии, митингующие возмущались непомерной платой. *«Правда, за что они платят, кому и чем конкретно недовольны, понять так и не удалось. Моя задача заключалась в том, чтобы разъяснить порядок проведения митинга, т.е. ввести все действия в законное русло»*. Журналистам же бастующие говорили, что помимо официальной арендной платы с них требовали еще по 800 долларов в год за место. Администрация рынка саму возможность этого вновь категорически отвергала и считала причиной беспорядков «нервозность» тех торговцев, у которых при очередном перезаключении договоров выявилось «шаткое визовое положение» [6. 2001. 2 нояб.; 13. 2001. 1 нояб.; 2001. 5 нояб.; 2001. 6 нояб., 2001. 12 нояб.; 16. 2001. 3 нояб.; 24. 1999. 16 дек.].

О масштабах теневых поборов ходили самые фантастические слухи. Одна из газет писала: *«О баснословных доходах торговцев говорит такой факт: чтобы получить торговое место на “Шанхае”, необходимо заплатить 18 тысяч долларов»*. Цифра, конечно, запредельная, но само явление властями признавалось. *«Что касается других рынков, – комментирует журналист, – то представители муниципалитета заявляют как общеизвестный факт наличие неофициальной арендной платы наряду с официальной. То есть дополнительные суммы берут с предпринимателей “черным налогом”»* [5. 2003. 18 апр.; 35. 2003. 27 мая].

Процветали милицейский произвол и вымогательство. По мнению большинства китайских респондентов, иркутские милиционеры считают их людьми второго сорта и «дойной коровой». Любой служащий МВД, вплоть до сотрудников ГИБДД и вневедомственной охраны, в униформе мог проверять документы у китайских торговцев и собирать штрафы. Естественно, без квитанции.

И, наконец, проблема нелегальной миграции. Теоретически нелегальных торговцев не должно быть вовсе – арендовать место можно только, имея верно оформленные документы (с временной регистрацией, визой и свидетельством о предпринимательской деятельности). Практика показывала иное. Сами администраторы рынка признавали, что часть арендаторов обладают весьма сомнительным правовым статусом. На это недвусмысленно указывали и результаты регулярных проверок паспортно-визовой и миграционной служб – рынок являлся крупнейшим узлом миграционных проблем. Однако помимо очевидной административно-криминальной составляющей здесь важна и другая, менее очевидная сторона. Нарушителями миграционного законодательства оказывались отнюдь не только китайские торговцы, но и мигранты из других стран, занятые на рынке. «Китайский» рынок фактически локализовывал в пространстве города не только и не столько этничность, сколько мигрант-

скость [36] – феномен, не свойственный советскому городу. Даже в условиях переселенческого общества Востока России, где нередко все население крупных городов состояло из переселенцев в первом и втором поколении, мигрантская биография не являлась маркером «другого» и механизмом сохранения социальной дистанции.

Последнее замечание делает неизбежным вопрос: а насколько китайским («этническим») является «китайский» рынок? Уже в 1994 г., по словам журналистки, *«здесь как на Ноевом ковчеге, “каждой твари по паре” ...Промышляют тут торговцы разных национальностей: корейцы, китайцы, вьетнамцы, лаотяне, монголы, африканцы, арабы, афганцы, кавказцы, русские»* [37]. Накануне дефолта китайцы арендовали три четверти торговых мест. К 2002 г. здесь было более тысячи китайцев и корейцев, около трехсот вьетнамцев, полторы сотни кавказцев, шестьсот с небольшим русских, две сотни представителей других национальностей. После реорганизации, когда число мест сократилось с 2 500 до 1 300, на рынке осталось 495 китайских и 485 русских торговцев. Все эти цифры приводили в разное время представители администрации рынка [11. 2003. 22 апр.; 13. 1998. 21 окт.; 2002. 28 марта]. Таким образом, китайцы преобладали количественно. Китайские товары, труд китайских торговцев, «китайские» цены – все это определяло общую атмосферу на рынке и твердую репутацию его как китайского у иркутян. Директор рынка в интервью в 2002 г. заметил: *«Показательный момент на тему “кто есть кто на рынке”: когда во время недавней забастовки китайцы не работали, рынок опустел. Покупатели не воспринимают “Шанхай” без китайцев»* [7. 2002. 1 февр.].

«Китайские» рынки стали важнейшей частью инфраструктуры продвижения китайских товаров и механизмом завоевания и освоения новых рынков. Сюда направлены мощные товарные потоки из Китая, здесь формируются и концентрируются в руках мигрантов огромные финансовые ресурсы, просто оценить масштаб которых представляется важнейшей, хотя и очень трудной задачей. По мнению В.Г. Гельбраса, на них делается большая ставка в реализации правительственной стратегии «идти вовне» [38].

Даже на первый взгляд видно, что именно здесь концентрируется значительная часть мигрантов из КНР. Это поле их экономической деятельности, место и механизм адаптации к принимающему обществу. Вместе с тем рынки – это не только рабочие места китайских мигрантов, площадка для реализации экономических амбиций. В качестве формы их деловой активности и деловой культуры они превратились в социальный организм, сгусток сетей социальных связей, инструмент самоорганизации и социального контроля. Не случайно именно с рынками чаще всего связано болезненно переживаемое российским обществом предчувствие чайнатаунов [39], перспективы возникновения которых становятся все более туманными в современной России.

Насколько и чем этничны «этнические рынки» – это вопрос, требующий дальнейшего теоретического осмысления и анализа конкретных ситуаций. Так же

как и более общая проблема этничности «этнической экономики» [40–43]. Дискуссии по этому поводу позволяют сформулировать несколько важных для нас вопросов. Свидетельствует ли концентрация тех же китайских мигрантов на «китайских» рынках о том, что они выстраивают свой бизнес на этнической основе, что их деловые практики, сети, связи, взаимоотношения, механизмы социального контроля и регулирования детерминированы этничностью? Какова роль этничности в формировании отношений на рынках, в механизмах формирования и функционирования их сообществ? И существуют ли данные сообщества – ведь не исключено, что мы расцениваем в качестве таковых простые совокупности. Иными словами, весьма вероятно, что этническая категоризация мигрантов в пространстве рынка может оказаться лишь попыткой сконструировать этнический дискурс без обоснования достаточной связи между категоризацией и групповостью [44].

Особый вес этим сомнениям придает то, что доминирование китайских торговцев как основа «китайскости» рынков уходит в прошлое. Серия интервью 2014–2015 гг. показала, что доминирование и даже просто присутствие китайских торговцев уже не обязательно является необходимым признаком «китайского» рынка: *«Мы привыкли, видеть, еще к тому, что изначально челноками были сами китайцы, то есть приезжали, торговали и привозили свой товар. Поэтому в памяти, наверное, остается такое... Даже если на китайском рынке скоро не будет китайцев, если ситуация такая сложится, то рынок все равно будет называться китайским»*². Китайскость рынка все чаще оказывается связана с мигрантами вообще, независимо от страны их выхода, внешнего облика и языка: *«Знаете, скорее всего, “китайка” – это такой образ, уже закрепившийся в умах именно иркутян, что любой такой рынок, где работают любые мигранты, даже, например, не из Азии, именно не китайцы, а, например, из Средней Азии, тоже, наверное, “китайка” будет называться»*.

Иными словами, этническое маркирование рынков все дальше уходит от собственно этничности. «Китайский» рынок как образ становится скорее маркером специфических локальностей, способа организации пространства и определенного репертуара практик. Почти сразу после образования рынок превратился из площадки для торговли в сложный социальный организм, узел социальных связей и сетей, сформированный и действующий не только на этнической основе. Здесь сформировался и эффективно функционировал очаг, ядро социальной деятельности мигрантов, их общинной инфраструктуры, механизмов контроля и управления.

Местные жители участвовали в жизни рынка не только в качестве покупателей. В реальности он давно стал интернациональным, что и заставило взять в кавычки словосочетание «китайский» рынок. Появился многочисленный слой местных жителей, профессионально обслуживающих рынки или непосредственно на них работающих в разных качествах. Повседневное общение и сотрудничество вели к парадоксальному на первый взгляд результату – уровень межэтнической

конфликтности здесь минимален. Хотя, казалось бы, торговля вызывает конфликты, а когда представители разных этнических групп находятся по разные стороны прилавка, это не может не провоцировать взаимного недовольства. Однако здесь преобладало понимание взаимной полезности и необходимости. «Китайка» оказалась все более органичной частью городского пространства, элементом городской жизни, в значительной мере определявшим превращение города и горожан из «советских» в «несоветских».

Таким образом, «китайский» рынок в Иркутске «Шанхай», или в просторечии «шанхайка», был важной частью экономической и общественной жизни города. Просуществовав более десяти лет, он был закрыт владельцем – муниципальными властями, несмотря на весомый вклад в городской бюджет и важную роль в снабжении малоимущих слоев. Это был результат политического решения, немного опередившего по времени соответствующие общегосударственные меры. Вскоре вышло правительственное постановление о частичном, а затем и общем запрете для иностранцев торговать на открытых рынках. Оно совпало и с изменением экономической конъюнктуры, а возможно, было предопределено этим. Время оптово-розничных рынков под открытым небом в российских городах явно уходило. Им на смену неумолимо шли современные и цивилизованные форматы – гипермаркеты, молы и т.д.

Однако закрытие «шанхайки» не повлекло его полного исчезновения. И дело не только в том, что его обитатели тут же разбежались по другим иркутским рынкам. В ответ на правительственные меры по вытеснению иностранцев с рынков мгновенно появились система подставных лиц, маневра ресурсами, механизм смены юридического статуса [45]. На смену открытых «шанхаев» идут крытые «пассажи», торговые ряды и супермаркеты с китайскими капиталами, товарами и рабочей силой. Иркутский «Шанхай» ликвидирован как юридическое лицо. И тут же «расцвел» рынок «Маньчжурия», открыт торговый комплекс «Пекин».

Разошлись по другим рынкам и отчасти изменили форму своей деятельности и китайские торговцы. А ведь благодаря им в глазах иркутян «шанхайка» была именно «китайским» рынком, хотя в некоторые периоды ее истории китайцев среди его торговцев было не больше половины. «Шанхай» сохранился в исторической памяти, мифологии городского сообщества, став символом большого комплекса отношений и связей. Говоря современным языком, он остался в Иркутске «виртуально». Даже само это название стало собирательным и насыщенным большим количеством новых смыслов, понятных нынешнему поколению без всяких объяснений: от организации пространства до маркера социального статуса.

Расцвет и уход «китайских» рынков был не только механизмом выживания в экстремальных условиях девяностых. Возникнув на основе развития практик неформальной торговли, «китайский» рынок стал одним из механизмов институализации частного предпринимательства как основы городской экономики, важнейшей доминанты развития городского про-

странства и повседневности. В более широкой перспективе этнические, в том числе и китайские рынки стали важным элементом и маркером постсоветского транзита. Их динамичность и гибкость внесли в пространство советского города текучесть современности [46], в которой лишь изменения (пространства, визуальности, практик) оказываются постоянными.

Потеряв прежние позиции, рынки под открытым небом вряд ли исчезнут окончательно. Будут существовать «блуждающие» рынки, и на них найдется место новичкам – мигрантам. Поэтому «китайские» рынки в прежнем формате, скорее всего, останутся, хотя и будут отнесены на окраины городов и периферию экономической жизни. Однако кластеры, «сгустки» китайской торговли, в том числе и розничной, не исчезнут благодаря освое-

нию новых торговых форматов. Залогом этого является то, что китайский бизнес в России накопил большие ресурсы (не только капиталы, но и знания, опыт и связи). Он продемонстрировал огромную адаптивность к суровым и стремительно меняющимся условиям. Он не откажется и от такого мощного ресурса, как опора на общинность и клановые связи и механизмы.

Китайский бизнес пришел в Россию навсегда. Пришел как часть изменчивой постсоветской современности. Он будет меняться, приспосабливаться к экономической и политической конъюнктуре, но не уйдет. Вместе с ним будут меняться города и горожане, в чьи пространства, язык, культуру «шанхай», «шанхайки», «китайки» вошли уже не как экзотика, а как неотъемлемые элементы повседневности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Личный архив В.И. Дятлова.

² Личный архив К.В. Григоричева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015.
2. Kurczewski J., Cichomski M., Wilinski K. Wielkie Bazarzy Warszawskie. Warszawa, 2000.
3. Брызгина Д. «Китайские» рынки Иркутска: в поисках невидимой сети // Этнические рынки в России: пространство торга и место встречи / науч. ред. В.И. Дятлов, К.В. Григоричев. Иркутск : Изд-во ИГУ, 2015. С. 124–140.
4. Восточно-Сибирская правда (Иркутск).
5. Иркутск (Иркутск).
6. Комсомольская правда-Байкал (Иркутск).
7. Пятница (Иркутск).
8. Известия (Иркутск).
9. Восточно-Сибирский Шанхай (Иркутск).
10. Телеграмма председателя первичной профсоюзной организации «Торговое единство» М.М. Торопова Президенту РФ В.В. Путину (декабрь 2006) (личный архив В.И. Дятлова).
11. Иркутская торговая газета.
12. Videokanal, газета (Иркутск).
13. СМ-Номер один (Иркутск).
14. АС Байкал ТВ (Иркутск).
15. Копейка (Иркутск).
16. Коммерсантъ – Восточная Сибирь (Иркутск).
17. РИА «Сибирские новости» (Новосибирск).
18. Law J. On the methods of long distance control: vessels, navigation and the Portuguese rout to India // Power, action and belief: a new sociology of knowledge? London : Routledge and Kegan Pol, 1986. P. 234–263.
19. Эксперт Сибирь (Новосибирск).
20. Иркутск-350. URL: http://www.irkutsk-350.ru/news/city_and_region/39795/ (последнее посещение: 15.12.2012).
21. Алексей Козьмин: «Хочется поднять капитализацию центра Иркутска» // Irk.ru Портал городских новостей. URL: <http://www.irk.ru/news/articles/20141124/center/>
22. Дятлов В.И., Кузнецов Р.Э. «Шанхай» в центре Иркутска. Экология китайского рынка // Экономическая социология. 2004. Т. 5, № 4. С. 56–71. URL: <http://www.ecsos.msses.ru>
23. АBBYY Lingvo. Городские диалекты. URL: <http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=109096> (последнее посещение: 15.12.2012).
24. Что почем (Иркутск).
25. Китайский «синдикат» // Родная земля. 2001. № 10. 26 марта.
26. Богданов Л. Вымогатель в полицейском мундире // Восточно-Сибирская правда. 2001. 12 марта.
27. Brunn S. Gated Minds and Gated Lives as worlds of Exclusion and Fear // GeoJournal. 2006. Vol. 66. P. 5–13.
28. Low S.M., Lawrence-Zúñiga D. (ed.) The anthropology of space and place: locating culture. Malden, MA : Blackwell Pub., 2003.
29. Брызгина Д.Е. «Китайские» рынки в постсоветских трансформациях городского пространства Иркутска // Известия Томского государственного университета. История. 2017. № 1.
30. Lefebvre H. The Production of Space. Oxford : Blackwell, 1991.
31. Известия (Иркутск).
32. Комсомольская правда-Приангарье (Иркутск).
33. Информационное агентство Vаikalinfo. Новости Иркутска.
34. Московский комсомолец в Иркутске (Иркутск).
35. Восточно-Сибирские вести (Иркутск).
36. Абашин С.Н. Среднеазиатская миграция: практики, локальные сообщества, транснационализм // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 3–13.
37. Лыкова М. Время «челноков» на исходе // Вечерний Иркутск. 1995. 22 апр.
38. Гельбрас В.Г. Россия в условиях глобальной китайской миграции. М. : Муравей, 2004. С. 66–80.
39. Дятлов В.И. Россия: В предчувствии чайнатаунов // Этнографическое обозрение. 2008. № 4. С. 6–16.
40. Aldrich H.E., Waldinger R. Ethnicity and Entrepreneurship // Annual Review of Sociology. 1990. Vol. 16. P. 111–135.
41. Уолдинггер Р., Олдрич Х., Уорд Р. Этнические предприниматели // Экономическая социология. 2008. Т. 9, № 5. С. 30–55. URL: www.ecsoc.msses

42. Min Zhou. Revisiting Ethnic Entrepreneurship: Convergencies, Controversies, and Conceptual Advancements // *International Migration Review*. 2004. Vol. 38, № 3. P. 1040–1074.
43. Радаев В.В. Этническое предпринимательство: мировой опыт и Россия // *Полис*. 1993. № 5. С. 47–53.
44. Брубейкер Р. Этничность без групп. М. : Изд-во ВШЭ, 2012. 408 с.
45. Михайлова Е., Тюрюканова Е. Мигранты в розничной торговле: эффект запретов // *Новое миграционное законодательство Российской Федерации: правоприменительная практика* / под ред. Г. Витковской, А. Платоновой и В. Школьниковой. М. : АдамантЪ, 2009. С. 237–265. URL: http://demoscope.ru/weekly/2009/0367/s_map.php
46. Бауман З. *Текущая современность*. СПб. : Питер, 2008.

Статья представлена научной редакцией «История» 11 февраля 2017 г.

“CHINESE MARKETS” OF RUSSIA: THE ROLE IN POST-SUSTAINABLE TRANSFORMATION (A CASESTUDY OF IRKUTSK)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2017, 419, 121–132.

DOI: 10.17223/15617793/419/16

Konstantin V. Grigoriev, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: grigoritchev@yandex.ru

Viktor I. Dyatlov, Irkutsk State University (Irkutsk, Russian Federation). E-mail: vikdyatlov@yandex.ru

Keywords: “ethnic markets”; post-soviet transit; urban space.

The article discusses the role of the phenomenon of “ethnic markets” in the post-soviet transformation of a Siberian city. The authors state the poor knowledge of this phenomenon in Russia and in other post-socialist countries. In the authors’ opinion, one of the most important reasons for it is the lack of a sufficient source base for historical analysis of “ethnic markets”. Therefore, this analysis is based on a wide range of different sources, including media texts, official documents, materials of socio-anthropological field research in Irkutsk. The first part of the article is devoted to the dynamics of the “Chinese markets” development in the post-soviet period. The authors show the development of the open-air markets, labeled “ethnic” (particularly, “Chinese”), as a mechanism of institutionalization of new daily-life practices. The authors investigate the development of the two largest “Chinese markets” in Irkutsk – “Shanghai” and “China Town” during the 1990s–2010s. It is alleged that by the 2000s “Chinese markets” became resistant knots of the social interactions network. These objects retained their role in urban everyday life in spite of the restrictive actions of the authorities. The focus of the second part of the article is on the analysis of the “Chinese markets” role in urban everyday life and of the meanings of the ethnic labeling of these objects. Since its inception, the “Chinese market” has been described in everyday language and in the media as an ethnically marked locality. However, in the early 2010s townspeople of Irkutsk described such markets like “Chinese” regardless of the presence of Chinese merchants there. This suggests that such markets have come to localize not only ethnicity, but also migrant origin in the urban space. It is argued that the “Chinese markets” of Irkutsk, emerged as a mechanism of survival and response to extreme situation, turned into a stable institution of the post-soviet city’s life. Thus, ethnic labeling of markets actually ceased to denote ethnicity in the urban space. The “Chinese market” is increasingly becoming a marker of specific urban locales, of ways of organizing space and of a certain repertoire of practices. The authors conclude that “ethnic markets” (including the “Chinese” markets) have become an important marker and element of the post-Soviet transit. Their dynamism and flexibility have brought “fluidity of modernity”, in which only the changes of space, visibility and practices are constant, into the Soviet city’s space.

REFERENCES

1. Dyatlov, V.I. & Grigoriev, K.V. (eds) (2015) *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic markets in Russia: bargaining space and meeting place]. Irkutsk: Irkutsk State University.
2. Kurczewski, J., Cichomski, M. & Wilinski, K. (2000) *Wielkie Bazary Warszawskie* [The great Warsaw markets]. Warsaw.
3. Bryazgina, D. (2015) “Kitayskie” rynki Irkutska: v poiskakh nevidimoy seti [“Chinese” markets in Irkutsk: in search of an invisible network]. In: Dyatlov, V.I. & Grigoriev, K.V. (eds) *Etnicheskie rynki v Rossii: prostranstvo torga i mesto vstrechi* [Ethnic markets in Russia: bargaining space and meeting place]. Irkutsk: Irkutsk State University.
4. *Vostochno-Sibirskaya pravda* (Irkutsk).
5. *Irkutsk* (Irkutsk).
6. *Komsomol'skaya pravda-Baykal* (Irkutsk).
7. *Pyatnitsa* (Irkutsk).
8. *Izvestiya* (Irkutsk).
9. *Vostochno-Sibirskiy Shankhay* (Irkutsk).
10. Personal Archive of V.I. Dyatlov. *Telegram of chairman of the primary trade-union organization “Trade Unity” M.M. Toropov to President of the Russian Federation V.V. Putin (December 2006)*. (In Russian).
11. *Irkutskaya torgovaya gazeta*.
12. *Videokanal* (Irkutsk).
13. *SM-Nomer odin* (Irkutsk).
14. *AS Baykal TV* (Irkutsk).
15. *Kopeyka* (Irkutsk).
16. *Kommersant – Vostochnaya Sibir'* (Irkutsk).
17. *RIA “Sibirskie novosti”* (Novosibirsk).
18. Law, J. (1986) *Power, action and belief: a new sociology of knowledge?* London: Routledge and Kegan Paul. pp. 234–263.
19. *Ekspert Sibir'* (Novosibirsk).
20. *Irkutsk-350*. [Online] Available from: http://www.irkutsk-350.ru/news/city_and_region/39795. (Accessed: 15.12.2012).
21. Irk.ru. (2014) *Aleksey Koz'min: “Khochetsya podnyat' kapitalizatsiyu tsentra Irkutska”* [Alexey Kozmin: “It is desirable to raise the capitalization of the center of Irkutsk”]. [Online] Available from: <http://www.irk.ru/news/articles/20141124/center/>.
22. Dyatlov, V.I. & Kuznetsov, R.E. (2004) “Shankhay” v tsentre Irkutska. *Ekologiya kitayskogo rynka* [“Shanghai” in the center of Irkutsk. Ecology of the Chinese market]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 5:4. pp. 56–71. [Online] Available from: <http://www.ecsos.mses.ru>.
23. ABBYY Lingvo. (2009) *Gorodskie dialekty* [Urban dialects]. [Online] Available from: <http://forum.lingvo.ru/actualthread.aspx?tid=>. (Accessed: 15.12.2012).
24. *Chto pochem* (Irkutsk).
25. *Rodnaya zemlya*. (2001) Kitayskiy “sindikatsiya” [Chinese “syndicate”]. *Rodnaya zemlya*. 10. 26 March.

26. Bogdanov, L. (2001) Vymogatel' v politseyskom mundire [The extortioner in the police uniform]. *Vostochno-Sibirskaya pravda*. 12 March.
27. Brunn, S. (2006) Gated Minds and Gated Lives as worlds of Exclusion and Fear. *GeoJournal*. 66. pp. 5–13.
28. Low, S.M. & Lawrence-Zúñiga, D (eds) (2003) *The anthropology of space and place: locating culture*. Malden, MA: Blackwell Pub.
29. Bryazgina, D.E. (2017) Chinese" markets in Post-Soviet transformations of urban space (the case of Irkutsk). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 45. (In Russian). DOI: 10.17223/19988613/45/16
30. Lefebvre, H. (1991) *The Production of Space*. Oxford: Blackwell.
31. *Izvestiya* (Irkutsk).
32. *Komsomol'skaya pravda–Priangar'e* (Irkutsk).
33. *Baikalinfo*. The news of Irkutsk.
34. *Moskovskiy komsomolets* in Irkutsk.
35. *Vostochno-Sibirskie vesti* (Irkutsk).
36. Abashin, S.N. (2012) Sredneaziatskaya migratsiya: praktiki, lokal'nye soobshchestva, transnatsionalizm [Central Asian migration: practices, local communities, transnationalism]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 3–13.
37. Lykova, M. (1995) Vremya "chelnokov" na iskhode [The time of the "shuttles" is coming to an end]. *Vecherniy Irkutsk*. 22 April.
38. Gel'bras, V.G. (2004) *Rossiya v usloviyakh global'noy kitayskoy migratsii* [Russia in the context of global Chinese migration]. Moscow: Muravey.
39. Dyatlov, V.I. (2008) Rossiya: V predchuvstvii chaynataunov [Russia: In anticipation of Chinatowns]. *Etnograficheskoe obozrenie*. 4. pp. 6–16.
40. Aldrich, H.E. & Waldinger, R. (1990) Ethnicity and Entrepreneurship. *Annual Review of Sociology*. 16. pp. 111–135.
41. Waldinger, R., Aldrich, H. & Ward, R. (2008) Etnicheskie predprinimateli [Ethnic entrepreneurs]. *Ekonomicheskaya sotsiologiya*. 9:5. pp. 30–55.
42. Min Zhou. (2004) Revisiting Ethnic Entrepreneurship: Convergencies, Controversies, and Conceptual Advancements. *International Migration Review*. 38:3. pp. 1040–1074.
43. Radaev, V.V. (1993) Etnicheskoe predprinimatel'stvo: mirovoy opyt i Rossiya [Ethnic Entrepreneurship: World Experience and Russia]. *Polis*. 5. pp. 47–53.
44. Brubaker, R. (2012) *Etnichnost' bez grupp* [Ethnicity without groups]. Translated from English. Moscow: HSE.
45. Mikhaylova, E. & Tyuryukanova, E. (2009) Migranty v roznichnoy trgovle: effekt zapretov [Migrants in retail trade: the effect of prohibitions]. In: Vitkovskaya, G., Platonova, A. & Shkol'nikov, V. (eds) *Novoe migratsionnoe zakonodatel'stvo Rossiyskoy Federatsii: pravoprimentel'naya praktika* [New migration legislation of the Russian Federation: law enforcement practice]. Moscow: Adamant?. [Online] Available from: http://demoscope.ru/weekly/2009/0367/s_map.php.
46. Bauman, Z. (2008) *Tekuchaya sovremennost'* [Fluid modernity]. St. Petersburg: Piter.

Received: 11 February 2017